

Яровая Е.А.

Родовая реликвия графов Дмитриевых-Мамоновых из собрания Государственного Эрмитажа

Проводимая автором данного сообщения совместно с хранителем ОЗЕ-ПИ (Отдел западноевропейского прикладного искусства) ГЭ С.В. Кокаревой атрибуция группы личных печатей, поступивших в Эрмитаж в 1923 г., ознаменовалась выявлением памятника, представляющего не только геральдическую, но и мемориальную ценность. Историческим владельцем печатки из дымчатого кварца (Инв. № И11770), украшенной артистически выполненным графским гербом, оказался Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов - герой 1812 года, масон, активист протодекабристских тайных обществ и богатейший помещик, главные вотчины которого располагались в Ярославской губернии, в том числе в Рыбинском уезде.

Данная печать, а точнее, матрица печати, оказалась в эрмитажном собрании после гибели своего последнего хозяина, крупного петроградского коллекционера Николая Филипповича Романченко (1870-1923). Романченко, инженер градоначальства и столичный домовладелец, до Октябрьской революции был состоятельным человеком и все свои доходы употреблял на собирательскую деятельность, охватывавшую весьма широкий спектр направлений, в том числе живопись, нумизматику, сфрагистику, народное искусство, памятники старинной письменности. Страстно увлеченный дилетант, он приобретал костюмы, украшения из жемчуга, медное литье, купеческие и мещанские портреты, минералы, чучела птиц, первобытные орудия труда, археологические памятники античности и древнего Востока. Особый интерес Романченко, дворянина во втором поколении, мечтавшего

выглядеть настоящим баринном, составляли предметы, связанные с историей русского благородного сословия. В его многочисленных коллекциях довольно значительную долю составляли вещи, полученные, судя по косвенным данным, из губерний, расположенных на Верхней Волге – Тверской, Ярославской, Костромской. Из переписки Романченко [ГАРФ, Ф. 1053] известно, что одним из источников получения новых артефактов были его агенты на местах, массово скупавшие предметы по его заказам. Возможно, именно таким путем к нему попала интересующая нас печатка. Однако источник ее поступления к Романченко мог быть связан, например, и с его послереволюционной работой уполномоченным Петроградского отдела охраны памятников искусства. После 1917 г. собрание Николая Филипповича не только не было им утрачено но, напротив, резко выросло, и лишь смерть от руки известного налетчика Ленки Пантелеева положила конец его коллекционерской деятельности. Часть собрания Романченко, которую сочли имеющей музейную и историческую ценность, в количестве более 5000 предметов, была передана в Эрмитаж и разошлась по разным его отделам.

Среди других поступлений, согласно документам из Архива ГЭ, были 370 печатей с гербами и эмблемами, принятые в Кабинет резных камней России и Западной Европы. [АГЭ. Ф.4. Оп.1. Д. 771. Л. 39]. Эта часть коллекции Романченко высоко оценивалась современниками-геральдистами, например, В. К. Лукомским, перечислившим 57 предметов из нее в своей статье «Собрание гербовых печатей Н.Ф. Романченка» [Лукомский 1913, № 7, с. 118-121]. Но в силу негативного отношения к геральдике, культивировавшегося в советской науке, о собранных Романченко гербовых печатях надолго забыли, и памятники были выведены из научного оборота. Обращение к ним состоялось лишь в 2011 г., когда коллекция была фактически открыта заново. Составлявшие ее некогда памятники нам удалось выделить в некий единый корпус, начать работу по атрибуции и составлению подробных каталожных карточек.

Среди прочих печатей этого собрания, очень разных по качеству, предмет, о котором идет речь, является одним из самых совершенных. Технический уровень исполнения, композиционная выстроенность, тщательная проработка деталей, живость фигур выдает руку первоклассного мастера. Умельцев такой квалификации в России 1-й четв. XIX в. было лишь двое – Алексей Есаков (1787-1815) и Петр Доброхотов (1786-1831). Скорее всего, печать была исполнена одним из этих резчиков. На печатающей площадке изображена сложная геральдическая композиция: щит пересечен, верхнее поле рассечено. В левой части – райская птица на пушечном лафете (герб Смоленска), в правой – архангел с мечом в лазурном поле (герб Киева). В нижнем червленом поле в обрамлении из облаков оперенная стрела с полумесяцем, пронзающая корону с перьями, фланкированная двумя восьмилучевыми звездами. В центральной части – малый щиток с российским двуглавым орлом и вензелем П I. Щит увенчан графской короной. Над ней – рыцарский шлем с почетной нашлемной фигурой в виде двуглавого орла Священной Римской империи, на груди которого латинский вензель J II. Щит поддерживают два льва.

Данный герб практически полностью соответствует официально утвержденному гербу графов Дмитриевых-Мамоновых, помещенному в I томе Общего Гербовника (ОГ, лист 30), за исключением единственной детали: в композиции из ОГ нет орла Священной Римской империи. Данная деталь показательна. Первый в данном роду носитель титула, фаворит Екатерины II Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758-1803), в 1788 г. получил пожалование в графы Священной Римской империи от императора Иосифа II, вензель которого и украшает грудь имперского орла на печатке из коллекции Романченко. В день коронации Павла I 5 апреля 1797 г. Дмитриев-Мамонов в числе девяти других сановников, получивших при Екатерине титулы зарубежного происхождения, был удостоен российского графства. Таким образом новый монарх вознаградил лояльность Александра Матвее-

вича, поведение которого по отношению к Павлу в бытность того опальным наследником престола отличалось неизменной корректностью. Новый герб Дмитриева-Мамонова, несущий на себе вензель Павла, попал в вышедший вскоре после этих событий первый том Общего гербовника. Видимо, считая старый имперский титул более несущественным, составители новой версии герба не стали включать в него изображение орла Священной Римской империи. Но печать из собрания Романченко демонстрирует нам, что Дмитриевы-Мамоновы самовольно сохранили его в геральдической композиции наряду с российским орлом, как бы подчеркивая тем самым, что являются графами двух империй одновременно. Этот факт логично сочетается с биографическими сведениями о Дмитриеве-Мамонове и его единственном сыне Матвее (1790-1863): оба отличались навязчивым стремлением продемонстрировать свой высокий социальный статус, непомерной гордыней, впоследствии переросшей у Дмитриева-Мамонова-младшего в манию величия.

Кто же был владельцем печати из коллекции Романченко? Графов в роду Дмитриевых-Мамоновых было только двое, Матвей потомства не оставил, поэтому нам предстоит выбрать между отцом и сыном. Обстоятельствами, указывающими на личность владельца данного предмета, являются традиции компоновки изображений на личных печатях в начале XIX в. и вышеуказанные личные качества обоих Дмитриевых-Мамоновых, крайне равнодушных к внешней демонстрации своего высокого положения. В те времена считалось почти безальтернативной нормой включать в геральдическую композицию на печати изображения наград ее обладателя: как правило, медали и младшие ордена обрамляли гербовый щит в виде привесок, в том же случае, если хозяин печати был кавалером орденовой звезды, то щит накладывался поверх ее изображения. Дмитриев-Мамонов старший обладал несколькими орденами, в том числе одной из высших российских наград – полученным еще в 1788 г. орденом Александра

Невского. На нашей же печатке нет ни одного наградного знака. Невозможно представить себе, что гордый и заносчивый граф в данном случае поскромничал. Очевидно, единственный претендент на роль хозяина печатки - Дмитриев-Мамонов-младший. Наиболее вероятным временем ее исполнения является краткий период на рубеже 1800-х – 1810-х гг., между вступлением молодого Матвея Александровича, рано оставшегося без родителей, в возраст правоспособности и началом периода его подвигов во время войны с Наполеоном, ознаменовавшихся получением боевых наград, в том числе золотого наградного оружия за храбрость, внесение которых в композицию на печати было бы делом практически неизбежным. Символично, что введение в научный оборот реликвии, связанной с этим незаурядным историческим деятелем, происходит в год 200-летия Отечественной войны и именно на той самой земле, которая послужила опорой для известной патриотической инициативы Матвея Александровича – формирования конного казачьего полка за его счет и с использованием людских ресурсов его ярославских вотчин.

1. Каган Ю.О. Материалы к истории русской глиптики: Алексей Есаков и Петр Доброхотов // Из истории мирового искусства и культуры / Сб. статей к 75-летию Юрия Александровича Русакова (1926-1995). СПб., 2003. С. 331-373.

2. Лукомский В.К. Собрание гербовых печатей Н.Ф. Романченка / Гербовед. СПб., 1913. № 7. С. 118-121.

3. Яровая Е. А. Судьба геральдической коллекции Николая Филипповича Романченко (по материалам Архива Государственного Эрмитажа) / Геральдический семинар Государственного Эрмитажа (21 декабря 2011 г.). Брошюра с текстом доклада. СПб., 2011. С.1-21.